

ключить из этого сообщения, это свидетельство безусловной поддержки церкви авторитетом князя. Сегодня сообщили бы, что президент лично представил нового руководителя коллективу.

Всё, что мы узнаем сверх этого о Луке Жидяте, его звезде и смерти, принадлежит к двум родам мифологии: средневековых хронистов и современных исследователей.

Алексей Толочко

Пузанов Д.В. *Природные явления в сакральной картине мира народов Восточной Европы. Древняя Русь и ее соседи: IX–XIII вв.* СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2018, 480 с., с илл.

Уж так устроен человек, что всегда прислушивается к тем или иным природным явлениям, черпая в них вдохновение или же, наоборот, узнавая в них злой рок. С возрастом метеозависимость и вовсе перестает быть метафорой. Некоторым небесным знаменам было суждено сыграть в культуре особую роль. Вспомним, например, солнечное затмение во время похода Игоря Святославича 1185 г. или наблюдение кометы 1812(11) года накануне нашествия Наполеона. Явление, воспринимаемое как знак, будучи запечатленным в литературном произведении, умножает свою образную силу, при этом, иногда направляя ее в совсем другое русло. Так в *Войне и мире* Л.Н. Толстого комета — традиционная предвестница бед — в восприятии Пьера Безухова, скорее, радостный знак, что, в общем, соответствует более раннему упоминанию в *Евгении Онегине* шипучего «вина кометы», то есть вина обильного урожая 1811 года.

Сама по себе тема фиксации климатических изменений и экстремальных природных явлений по письменным источникам — достаточно стара («стара как мир»), взять хотя бы классические труды Д.О. Святского (Святский Д.О. *Астрономия Древней Руси*. М., 2007), многочисленные работы Е.П. Борисенкова и В.М. Пасецкого (Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. *Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв.* Л., 1983; Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. *Летопись необычайных явлений природы за 2,5 тысячелетия (V в. до н.э. — XX в. н.э.)*. СПб, 2002) и др. Все новые авторы продолжают решать задачу, каким именно атмосферным явлением было то или иное, отраженное в письменном источнике, небесное знамение (Флоран Мушар. Небо как открытая книга: Небесные знаменья в древнерусском летописании (Домонгольский период). *Ruthenica* 14 (2017), 7–25).

Книга же Даниила Пузанова посвящена мифологическим особенностям трактовки различных природных явлений — периодических (таких как грозы, затмения и т.д.) или же окказиональных (бури, эпидемии и пр.). Она «вводит читателя в волшебный, религиозно-мифологический и мистический мир восточноевропейского Средневековья». Это нам напоминает о том, что

религиозная, иррациональная сторона человеческой личности в древности была одним из факторов, влияющих на историю, что, зачастую, современные историки недооценивают. Восточная Европа рассматривается автором как территория, охватывающая Древнюю Русь, Ливонию, Волжскую Булгарию и Хазарский каганат. Привлеченный материал относится к IX–XIII вв. При этом, относительная общность взглядов на природу населения этого региона, как считает историк, обеспечивается приверженностью этих стран к так называемым «авраамическим религиям», — монотеистическим иудаизму, христианству и исламу. Это позволяет Д. Пузанову говорить об идеологической принадлежности перечисленных государств к так называемой «авраамической метацивилизации». Тем не менее, на представленные в книге взгляды сильным оставалось влияние языческого политеизма.

«Сложно спорить с тем, что мировоззрение является плодом социальных отношений», — пишет автор — «или, по крайней мере, общественного опыта. Представления же о природе формируются как бы на границе естественного и культурного миров» (с. 6). Удивительная привязанность человека к природе приводит к тому, что он прислушивается к ее знакам, в частности, принимая те или иные политические решения. Речь не идет о том, что военная операция не будет проведена в весеннюю распутицу, или переход реки не осуществится по тонкому льду, но будут учтены и скрытые смыслы небесных знамений.

Значительное место в тексте занимает обоснование автором своей методологии — т.н. «этнографического (этнологического) метода». Серьезное внимание уделено анализу конструкта «картина мира», который кажется, с одной стороны, само собой разумеющимся, но, тем не менее, почти всегда до конца не понятным:

Процесс развития представлений о природе описывается как история приспособления картины мира к аномалиям и ирреальностям, ей несоответствующим. Восточноевропейский регион рассматривается как часть единой авраамической метацивилизации VII–XIII вв. Мировые религии рассматриваются как продукт глобализационных процессов (с. 67).

Важной вехой, которая не могла, так или иначе, не повлиять на идеологическое осмысление природных явлений на Руси, было принятие князем Владимиром христианской веры восточного образца. Этот летописный сюжет анализируется Д. Пузановым очень подробно. Особенности формирования единой картины мира региона, коль скоро признавать ее существование, справедливо увязываются с развитием торговых путей, изначально контролируемых северными германцами. Благодаря международной коммуникации,

вновь формирующаяся государственность попадала в зависимость от зарубежной литературной традиции [...] Русь попадала в зависимость в первую очередь от болгарской, святоотеческой и собственной оригинальной литературы (с. 96).

Вместе с проникновением авраамических религий на территорию Восточной Европы, здесь распространяются сведения эллинистической науки. Но уровень развития светской философии в Западной и Восточной Европе в рассматриваемый период был значительно ниже, чем в Византии и на территории халифата. С большим успехом в Восточной Европе распространялись апокрифические сочинения, которые хорошо усваивались традиционной культурой. Древнерусские книжники переняли греческую концепцию стихий, наиболее популярным проводником которой стал Иоанн Экзарх Болгарский. Согласно его *Шестодневу*, поведение стихий, их «естество» было установлено Богом во время творения. *Толковая Палея* природные явления трактует символически. Так, в смене фаз Луны она обнаруживает символику взросления человека, его смерти и воскресения во Христе (с. 101–104).

Говоря о так называемой социализации природы, когда она воображаемо ставилась в зависимость от неких сознательных сил, автор приходит к следующему заключению:

Периферийный характер развития, с одной стороны, и религиозный характер Метацивилизации — с другой, предопределили то, что Восточная Европа так и не преодолела свойственную для язычества социализацию природы. Изменения в окружающей среде по-прежнему приписывались действию специальных духов или обладающих тайными знаниями людей (с. 104).

Несмотря на принятие монотеистических религий, боги, такие, например, как Перун, ангелы, демоны и джинны, зачастую продолжали считаться духами природных явлений. Идея управления природными стихиями со стороны ангелов известна как христианской, так исламской и иудейской традициям. Такие ангелы иногда сохраняли атрибуты и даже имена языческих богов.

Широко были распространены убеждения о влиянии на природные процессы людей, что связано с разновидностью колдовства. Метеорологическая магия занимает важное место в представлениях всех народов. В особенности это прослеживается у средневековых скандинавов. В рассматриваемой книге встречаем данные о том, что среди новообращенных народов бытовало мнение о служителях христианского культа, как о новой категории колдунов. Это подтверждают данные из Швеции и Прибалтики, где подозреваемых в колдовстве церковников разрывали на части (с. 118). Со своей стороны, можем предположить, что именно недоброй, колдовской славой объясняется осуждаемое поучениями против язычества избегание встреч с монахами и священниками на Руси (Писаренко Ю.Г. Зустріч з чорноризцем: амбівалентність сакрального. *Практична філософія*. К., 2012, № 4, 183–189). Наиболее резонансным событием из этой серии стало убийство в 1093 г. печерского старца Григория, случайно встреченного воинами Ростислава Всеволодовича вне стен монастыря (Писаренко Ю.Г. К архаическому восприятию «чужого» (по «Слову о Григории» Печерского Патерика). *Вестник Удмуртского универси-*

мета. Философия. Социология. Психология. Педагогика. 2013. Вып. 2, 10–16). Традиционны были убеждения о влиянии на природные процессы архаических правителей, о чем наиболее ярко свидетельствуют скандинавские источники. Сами имена конунгов, подчас, говорят о «последствиях их правления»: Олав Голод или же Эрик Добрый. Эти языческие убеждения, по своему, трансформируются и в христианстве. Древние книжники полагали, что Бог посылает разрушительные природные явления, в том числе, и за грехи правителей. Правда, теперь эти прегрешения уже не связаны с представлениями о неких «недобрых» магических качествах.

Эксклюзивную роль в своем магическом воздействии на природу (в особенности, в глазах соседей) играли финно-угорские волхвы. Зачастую именно чудским волхвам историки приписывают руководство голодными восстаниями на севере Руси XI в. Наиболее отчетливое свидетельство представлений о колдовском воздействии на природу — это так называемая «охота на ведьм» — культурное явление, ставшее притчей во языцех.

Если язычники видели свое спасение в «обладании Богом» в земном мире, то адепты пророческих религий — в обретении «требуемых Богом религиозных качеств» (М. Вебер). Сложно выяснить, могли ли природные коллизии восприниматься приверженцами язычества как некая кара Божья? Для язычников скандинавов причина бедствий зачастую и состояла в принятии князем и людьми крещения. Чтобы остановить несчастья, по их мнению, следовало возобновить прежние, языческие обряды с новой силой. Что касается авраамических религий, то, по заключению автора, «чистый» авраамизм возможность влияния злых сил на большинство природных явлений отрицает. Стихии рассматриваются как Божье наказание за грехи. Традиционную формулировку «теория о казнях божьих» автор считает более справедливым называть «теорией о казнях и милостях божьих», поскольку соответствующие поучения говорят также и о воздаянии от Бога за безгрешную жизнь. Особенно это прослеживается в древнерусских материалах. Границы теории о казнях божьих не замыкались на природных бедствиях. Согласно выводу автора, Бог мог проявлять свою волю через любое количество посредников и любым способом — будь то вражеское нашествие, голод и пр.: «Божиим попоущением, уязвиша Игоря в руку, и умертвиша шноицю его» или же «за наше несытоство навел Бог на ны поганья» (с. 211). Согласно историку, архаическое сознание не знает чистого деления на явления природного и политического характеров. Одно нередко выступает как аллегория другого и сливается в единое целое.

Для нашего современника наиболее интересно, что нашествие «чужого» войска может трактоваться как кара от «своего» Бога за грехи. И впрямь, здесь в пору вспомнить метацивилизационный, общеавраамический подход. Интересно задуматься и о том, какие средства могли быть привлечены для уменьшения последствий бедствия, раз уж «профилактика недуга» оказалась недостаточной? В свое время мы приводили пример из практики раскопок

Старокиевской экспедиции 1994 года. Тогда на ул. Большой Житомирской, 11 (в «городе Ярослава») нами была обнаружена яма, в которой было сожжено около семи церковных книг, что сопровождалось языческим жертвоприношением курицы, двумя человеческими черепами, замком, ключом и топором (Писаренко Ю.Г. Книга — больше, чем книга (два случая ритуального уничтожения книг). *Ruthenica* 9 (2010), 52–55). Нами было высказано предположение, что сожжение христианских книг в конце XII в., в центре христианской столицы, могло быть, своего рода, актом отчаяния, вызванным чрезвычайной ситуацией, в которой христианские молитвы уже считались неэффективными:

Это могла быть засуха, мор или война, когда богослужбные книги начинали восприниматься, как «глубинные» — больше, нежели текст [...] их предание огню и земле считалось вернейшим способом достижения потустороннего мира и воссоединения с Богом.

Во всяком случае, летописная статистика отмечает, что во второй половине XII в. в Киевщине периодически случались сильные неурожай (например, в 1173, 1180, 1184 гг. (Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. *Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв.*, 126–128), а политическая ситуация, в частности, из-за нападений половцев, также не отличалась стабильностью.

О том, что одно и то же природное явление может трактоваться как знак различных роковых вещей, автор говорит уже во введении, на примере иррациональных трактовок аномальной непогоды в современной Москве. В разных культурах, и подавно, те или иные природные явления, со знаковой стороны, могли пониматься по-разному. Поэтому, с точки зрения классификации знамений наиболее правильно выделить сами явления, которые потом и трактуются на разный лад. Автор выделяет космологические (метеориты, затмения луны и солнца и т.п.), оптические (гало, венцы, северное сияние и пр.), метеорологические (грозы, дожди, бури), биологические (рождение уродцев, активизация некоторых видов животных, эпидемии), географические («В се же лето в Новгороде иде Волхов вспять»), сейсмические (землетрясения) знаменья. Есть и такие предзнаменования, которые не соотносятся ни с одним из известных природных явлений (с. 224). Собственно, в третьей части книги и начинается рассмотрение видов природных явлений в сакральной картине мира.

Среди космологических явлений на первом месте ставятся затмения луны и солнца. Согласно летописям, они традиционно «предвещали» княжескую смерть. Особенно зловещим это предзнаменование было для династии Ольговичей (с. 233).

Автор приводит свою реконструкцию мифологического представления о том, что во время затмения происходит борьба двух богов, что напоминает ему конфликты Гора и Сета в Египте (с. 240). Он полагает, что на славянской

почве это могла бы быть борьба солнечного Даждьбога и хтонического Велеса. «Во время этой борьбы ослабленное солярное божество посредством «поедания» проходило через мир мертвых, а затем воскресало, восстанавливая утраченные силы» (с. 242). И раз уж фольклорный поедатель светила «волколак» сближается с Велесом (с. 238), то, очевидно, именно Велес должен был поглотить, а потом изрыгнуть Даждьбога? Ни опровергнуть такую модель, ни подтвердить мы не можем, но для мифологического сознания ничего невозможного не было.

В качестве гипотетической борьбы из-за солнца двух равноправных сторон, наше внимание давно привлекает украинская народная игра «свинки» или «ковиньки». По существу, речь шла о своеобразном хоккее без коньков с клюшками из кривых палок — ковиньками и вырезанной из дерева «шайбой» — «свинкой». Ворота в этой игре не было:

«Свинку» требовалось забивать в противоположный конец ледяного поля, которым служил пруд, озеро или искусственно залитое водой поле. Такие «ворота» необходимо было защищать от попадания «свинки» (Писаренко Г.С. *Воспоминания и размышления*. К., 1994, 14).

Предполагаем, что игра, ведшаяся в периоды зимнего солнцестояния, с поочередным забрасыванием «свинки» на противоположную сторону поля, была ничем иным как магической стимуляцией временно потерявшего силу солнца. Свинка, очевидно, и была моделью солнца («свиньи-красна солнышка»). Борьба из-за солнца, рождавшая свет, очевидно, сохраняла механизм архаического дара-противодара, хорошо известного по работам этнологов и философов (ср.: «Дар/противо-дар есть жест ответа, подобный возвращенному удару в ответ на удар, полученный в игре, борьба или реванш...») (Энафф М. *Дар философов. Переосмысление взаимности*. Пер. с франц. М., 2015, 75). С затмением это, конечно, не связано, но, в какой то степени, подтверждает возможность мифологических битв из-за солнца.

Широкую мифологическую трактовку имел и другой рассматриваемый в книге сюжет — о падении метеорита. Повсеместно он считался связанным с представлением о змее, о змееобразном божестве. Вспоминается сакральный ужас ловчих князя Всеволода под Вышгородом, вызванный неожиданным падением змея-метеорита (1091 г.). Мы бы не стали отбрасывать точку зрения В.Л. Комаровича, о том, что в подобном происшествии могли видеть космический половой акт неба и земли (с. 249). В свое время, мы также высказали предположение о том, что впечатление от этого события усиливалось тем, что оно имело отношение к личности князя и княжеской охоте, которая, как известно, также выступала образом брака (Писаренко Ю.Г. *Князівські лови в традиційній свідомості давньоруського суспільства*. *Український історичний журнал*. К., 1993, № 7–8, 45–48). Князья и цари, в силу своей сакральной природы, рождались от женщины, в то же время, рождаются от

земли. Качества искусного охотника даются князю не просто так, а являются неотъемлемой частью самой природы княжеской власти. Охотник-оборотень (получеловек-полузверь) и зачат должен быть необычным образом, — как правило, от космического змея. Согласно традиции, так был рожден Александр Македонский (с. 270), и, очевидно, не без воздействия *Александрии*, былинный Волх Всеславьевич (Миллер В.Ф. Заметки по поводу сборника Верковича. *Журнал Министерства народного просвещения*. СПб., 1877 (октябрь), 126–132), мать которого также «скочила на лютова на змея» (*Былины*. Сост., автор предисл. и вводн. текст. В.И. Калугин. М., 1986, 57). Широко известен этот сюжет и в южнославянском эпосе. Автор справедливо привлекает аналогию с явлением Зевса в виде змея к Персефоне. Очевидно, именно в качестве подтверждения существования громовержца Перуна в народе широко почитались найденные камни-метеориты, — считает автор.

На страницах книги также подробно анализируются наблюдения комет и звездопадов (метеоритных дождей) в древнерусской традиции, которые традиционно считались дурным предзнаменованием.

В главе, посвященной оптическим явлениям, автор подробно останавливается на часто встречаемых в литературе явлениях световых «столпов», очевидно, связанных с явлением гало. В образе огненного столпа, отмечает автор, как бы соединились два традиционных медиатора — огонь и столбовая архитектурная конструкция (с. 292). В виде огненного столпа по ночам Бог вел древних евреев по пустыне. Символ огненного столпа сочетал в себе идеи света и огня как знаков теофании и богоизбранности, мирового столпа света, указывающего путь во тьме, т.е. символ праведника. Представления о столпе, как библейском символе, сливалось с конструктом светового столпа как княжеского знака (с. 409).

Далеко за пределы одной культуры, заключает историк, выходило представление о северном сиянии как вечной небесной битве сверхъестественных существ. Отголоски подобных воззрений встречаются в мифологии северных германцев и финно-угров Скандинавии и Прибалтики. Схожий миф зафиксировал Ибн Фадлан в Поволжье (328–336) (об этом см. также: James Montgomery, “Spectral Armies, Snakes, and a Giant from Gog and Magog: Ibn Fadlan as Eyewitness Among the Volga Bulgars,” *The Medieval History Journal* 9, 1 (2006), 63–87).

Не обойдены вниманием и эколого-стихийные явления — грозы, дожди, бури, наводнения, землетрясения, а также явления, вызывающие недород — засухи и морозы. Большинство из этих явлений более всего влияло на хозяйственную деятельность людей, и, по традиции, связывалось с колдовством живых, вредоносным влиянием мертвых, или же небрежением своими магическими обязанностями со стороны сакральных правителей.

Зачастую предполагалось, что явления и аномалии биологического характера — прежде всего, эпидемии — посылаются покойниками. Здесь памятен

летописный сюжет о том, как «навье бьють полочаны» (1092 г.). Нашествия саранчи — сами по себе ужасающие — к тому же еще понимались как аллегория вражеского нашествия. Ничего хорошего не предвещало и рождение людей и животных с аномалиями, у всех народов мира связываемое с деятельностью колдунов.

Описанные выше представления подвергались определенной трансформации вместе с распространением монотеистических культов. Некоторые языческие представления были усвоены монотеизмом. Так, вера в то, что правитель способен влиять на урожайность, сохраняется и в эпоху монотеизма. Колдунов в авраамических представлениях заменяют святые, а конструкты языческого культа предков отражаются на культе святых и пророков (с. 408).

Отдельный раздел автором посвящен особенностям восприятия природных явлений в региональных школах русского летописания. Он читается с большим интересом. Так, киевская летописная школа в теорию казней божьих, как правило, связываемых с приверженностью старым языческим верованиям, привносит тему княжеских междоусобиц и клятвоступлений. Наиболее страшным последствием этих нестроений выступают половецкие нашествия (с. 412 и др.). Галицко-волинское летописание, наоборот, погодные аномалии представляет решающими в победе над врагами (с. 425). В новгородской летописной традиции, из-за большого количества бедствий, чувствуется тотальная подавленность злым роком, а слишком частое упоминание грома, скорее всего — пережиток язычества (с. 430).

В «Заключении» автор добросовестно пытается разобраться, была ли существенная разница в восприятии природных бедствий язычниками и приверженцами монотеизма. Весь строй изложения напоминает нам сюжет о северном сиянии, как борьбе добрых и злых джиннов. Наиболее существенное отличие видится нам в том, что, с помощью единого Бога бедствия более концентрированно можно пояснить в контексте теории наказания за грехи, что, например, отчетливо видим в *ПВЛ* под 1068 г. И, коль уж природа оставалась щедрой на «сюрпризы», молитв и благочестивой жизни всегда могло оказаться недостаточно.

«В случаях, когда основной иррационального выступала чужая религия, силы природы чаще всего представлялись как инструмент, при помощи которого Бог карает врагов государства и Церкви» (с. 451). Для нас же наиболее отчетливо то (во всяком случае, в литературном отображении), что засухи и другие природные бедствия были достаточно удобным моментом для испытания могущества новой веры. Так, во второй части *Сказания о построении Ярославля* (хотя, и позднем) отражена типичная картина того, как священник церкви пророка Или во время страшной засухи переманивает на свою сторону язычников, так как именно христианской молитвой удается добиться дождя (*Храмы Власьевского прихода в г. Ярославле. Описание*

составил Алексей Лебедев. Ярославль, 1877, 6–11). К тому же, как подтверждает автор, служители новых культов, подчас, считались более сильными колдунами.

Историк единожды, во вступлении упоминает о религиозной трактовке сегодняшних стихийных бедствий (уверены, что этим летом на просторах России, в силу пожаров, наводнений, техногенных катастроф, таких версий появилось еще больше). К сожалению, именно в наше время стала былью «сказка» о том, что прегрешения человека — главная причина природных катаклизмов. И это, непосредственно, прегрешения против природы, против планеты. Миллионы людей не способны самостоятельно разобраться в науке о климате и ее предсказаниях, принимая на веру ее рекомендации. Они наблюдают драматические картины тайфунов, наводнений, засух и прочих необычных бедствий, воспринимая их как «кары Божьи» за дурное поведение, а рекомендуемые способы повлиять на природу, коллективные и индивидуальные, напоминают магические действия наших предков. Книга Пузанова о далеком прошлом помогает понять нечто и о настоящем.

Юрий Писаренко

Чугаева І.К. *Чернігівське літописання XI–XIII ст.: Історіографічний міф чи історичне джерело?* Відп. ред. В.О. Дятлов. Чернігів: ПАТ «ПВК «Десна», 2018, 336 с.

Книга И.К. Чугаевой посвящена важной проблеме, над решением которой работали многочисленные текстологи древнерусского летописания на протяжении двух веков. Необходимость в подобном исследовании, где были бы сведены воедино и проанализированы догадки, предположения и гипотезы о существовании летописания в одном из главнейших городских центров Руси, ощущалось давно. Приведённая автором историография (в главе «Нотатки до історії чернігівського літописання давньоруського часу», с. 9–29) вполне объективно освещает этот процесс, хотя и не является исчерпывающей. К тому же она представлена достаточно традиционно — в хронологическом порядке, что не даёт возможности оценить причины того, почему в течение столь длительного времени этот вопрос остаётся открытым. Однако книга И.К. Чугаевой не ограничивается только историографическим аспектом, то есть изучением движения исследовательской мысли: почему, на каких основаниях, в рамках каких методов и подходов учёные прошлого полагали возможным искать и отыскивать черниговское летописание при полном отсутствии текстов. Автор намерена ещё раз, самостоятельно, проделать этот путь, который должен привести, в конечном итоге, к ответу на заявленный в названии книги вопрос.